Дударева Марианна Андреевна, Тэтик Кевсер

ИДЕАЛЬНЫЙ ТОПОС И ЕГО СИМВОЛЫ В ПОЭТИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА (ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ)

Статья представляет собой исследование фольклорных, мифологических основ образа лодки, который связан с представлениями об идеальном месте, топосе. Объектом изучения выступает раннее стихотворение К. Бальмонта "Челн томленья", где поэтом обыгрываются образ челна и мифологема пути. Представления о чудесном корабле, лодке, челне заставляют обратиться исследователей к традициям русского и мирового фольклора, с которым К. Д. Бальмонт был хорошо знаком. Поэт изучал фольклор, интересовался трудами А. Н. Афанасьева; особое место среди фольклорных образов поэта занимает архетип корабля/ладьи. Фольклоризм творчества Бальмонта носит латентный характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 14-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82:801.6; 398:801.6

Статья представляет собой исследование фольклорных, мифологических основ образа лодки, который связан с представлениями об идеальном месте, топосе. Объектом изучения выступает раннее стихотворение К. Бальмонта «Челн томленья», где поэтом обыгрываются образ челна и мифологема пути. Представления о чудесном корабле, лодке, челне заставляют обратиться исследователей к традициям русского и мирового фольклора, с которым К. Д. Бальмонт был хорошо знаком. Поэт изучал фольклор, интересовался трудами А. Н. Афанасьева; особое место среди фольклорных образов поэта занимает архетип корабля/ладьи. Фольклоризм творчества Бальмонта носит латентный характер.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; поэтика; идеальный топос; Бальмонт; челн; корабль.

Дударева Марианна Андреевна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов, г. Москва
marianna.galieva@yandex.ru

Тэтик Кевсер
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
kevser.tetik@mail.ru

ИДЕАЛЬНЫЙ ТОПОС И ЕГО СИМВОЛЫ В ПОЭТИКЕ К. Д. БАЛЬМОНТА (ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ)

К. Д. Бальмонт много путешествовал и в своей поэзии отобразил мировую *сакральную географию*. В круг его топографических интересов входит не только русская сторона в образах Москвы, Петербурга, но и экзотические далекие страны – Япония, Индия, Египет. Исследователи, обращавшиеся к теме города и национального пространства в поэтике символиста, указывают на большую значимость для поэта самого факта путешествий и познания других культур. В литературоведении найдется немало работ, где полно освещается эта проблема. Так, в книге К. М. Азадовского и Е. М. Дьяконовой «Бальмонт и Япония» [1] отражена поездка в Японию Бальмонта с Еленой Цветковской в мае 1916 г., отмечено особое отношение поэта к этой стране, повлиявшей на его творчество. В монографию включены многочисленные произведения (стихи, путевые очерки, эссе), созданные Бальмонтом в связи с этой поездкой, личные письма, отзывы и рецензии японской и дальневосточной прессы, иллюстрации.

Разумеется, не только Япония стала для поэта источником вдохновения. «Старшим» символистам, к которым принадлежал Бальмонт, вообще была свойственна тяга к освоению мирового культурного наследия, включая его глубинные пласты. Здесь стоит упомянуть концепцию *энтелехии культуры*, разработанную в русской филологии Г. С. Кнабе [8], которая созвучна устремлениям художников слова начала XX в. И. А. Бунина, А. Белого, О. Мандельштама, С. Есенина [12], и заключается в обращении к другим эпохам и культурам, в неком «поглощении» творчеством их кодов и движущей силы. Это стремление характерно и для литературного творчества Бальмонта [1, с. 4]. Но необходимо отметить, что экзотические страны (Мексика, Египет, Океания, Индия и др.) в начале XX в. (1905-1917 гг.) влекли к себе поэта гораздо сильнее, чем Европа [Там же, с. 7]. В его стихах присутствует «восточная» тема, звучат индийские и китайские мотивы («Горящие здания», «Будем как солнце»). Загадочный, полный красок «огненный мир» Востока в поэзии Бальмонта выступает антонимом скучной и прагматичной Европе [Там же]. Помимо Японии, огромное впечатление на Бальмонта произвела Индия. Как отмечает Г. М. Бонгард-Левин, «Индия становится для поэта страной Мысли, Символом священных земных обителей» [5]. В связи с этим в последние десятилетия вышло немало работ, посвященных *национальным кодам* в поэтике Бальмонта, в которых отчасти затрагиваются городская тема и тема разных *видов локуса* в поэтике символиста. Особенно заметно это в работах, появившихся в конце 90-х гг. XX в., потому что в этот период разрабатываются новые теоретические подходы; даже усиливается внимание к тем странам, которые раньше не были освещены в творчестве поэта при анализе урбанистических текстов.

Стоит также обратить внимание на последнюю книгу П. В. Куприяновского, написанную совместно с Н. А. Молчановой, – «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба» – она представляет собой глубокое, обстоятельное и богатое конкретным материалом монографическое исследование творчества поэта, его своеобразия и эволюции. В этой книге содержатся существенные положения относительно природы бальмонтовского урбанизма [9]. Ученые анализируют явленные в поэзии образные мотивы разных стран, таких как Италия, Франция, Америка, Египет, Китай. По мнению исследователей, Бальмонт в истоках своего сознания был *антиурбанистом*. И на этом положении нам хотелось бы остановиться подробнее. Почему бальмонтовский лирический герой, например, отличный от брюсовского, бежит из города? Что ищет он и чем *влечется*? Эти вопросы заставляют обратиться исследователя не только к собственно категориям текста, но и к категориям, связанным с *национальной аксиологией*, русским менталитетом.

В начале XX в. философская мысль тесно переплеталась с литературной и приобретала иногда неожиданные формы. Особенно привлекательна и несколько забыта филологическим сообществом фигура ученого и философа Е. Н. Трубецкого. Он был вхож в первый круг Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, где неоднократно выступал с докладами на актуальные темы: войны, революции,

христианского духовного пути России. Однако Трубецкой известен и другой своей лекцией (изданной уже после смерти, в 1922 г.) о поэтике русской сказки «“Иное царство” и его искатели в русской народной сказке» [11]. Как видим, в названии задана проблема – поиск «иного царства». Конечно, речь идет не о бытовом профанном пространстве, а *неведомой земле* и неком *космическом пути*, который должен проделать русский человек, чтобы стать культурным героем и обрести желаемое.

В первой книге, в которую вошли сборники «Под северным небом», «В Безбрежности», «Тишина», исследователи указывают на мифологему *пути* и ее вариации, которая соотносится с представлениями о *пути космическом*, и цель такого путешествия – «неведомая, но благодатная» [10]. Не отсюда ли и «антиурбанизм» Бальмонта, который взялся не сам по себе, а имеет за собою свою «историю», *укорененность* поэта в архаической первозданной стихии? Не случайно же у него человек и Логос неотделимы и «Стих напоминает человеку о том, что он *бессмертный сын Солнца* и Океана» [3, с. 5]. Однако *идеальный топос*, инициатический путь должны быть выражены в каких-то конкретных деталях и должны быть преподнесены через определенный образ. Здесь обратимся к одному из известнейших стихотворений из первого сборника поэта – «Челн томленья»:

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог [4, с. 47].

Литературоведы, помещая это произведение в мифопоэтический контекст, отмечают мифологему пути, связанную с образом корабля, который у Бальмонта окрашен в декадентские тона. Но здесь, вероятно, стоит поставить вопрос не только и не столько об упаднических настроениях, декаденстве, сколько об образе корабельном, архетипе лодки, актуальных для русской культуры и литературы в целом.

Образ волшебного корабля, который везет своих героев в неведомую страну, встречаем в былинном тексте о *Корабле-соколе*. Этот корабль представляет собой *космическую модель*, на что указывают животные-тотемы, расположенные по его бокам (змеится нос), и звездный орнамент. Подобное архетипическое построение, косвенно отсылающее нас к образу медиарной ладьи, находим в русской загадке о смерти: сочетание архетипов «птица» + «лодка», в котором оба символа являются переходными, иномирными (загадка «Сидит утка на тату-плоту»). Здесь стоит отметить, сделав небольшую биографическую справку, что Бальмонт хорошо знал фольклор и не скрывал прямого обращения к мощному народно-поэтическому наследию: «В какую страну ни приедешь, – в слове мудрых, в народной песне, в загадках, легендах – услышишь хвалы Солнцу» [2, с. 533]. Кроме того, поэт был знаком с трудом А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Работы этого ученого тогда были интересны многим представителям художественной интеллигенции XX в. С. А. Есенин обращался к трехтомнику сказок Афанасьева, М. И. Цветаева лично указывала на свой большой интерес к афанасьевским сказкам (особенно в поздний период творчества) [6].

Образ корабельный в теоретическом ключе разработан Есениным в трактате «Ключи Марии» (1918 г.) и связан с устремленностью русского человека в неведомое космическое пространство. Так, и в поэтике Бальмонта черный челн (и с ним лирический герой) ищет «светлых снов чертог». Челн выполняет медиирующую функцию, он как бы отсылает, уводит человека от берега – от посредственного предела. Не случайно и то, что челн освещен месяцем. Это наводит на мысль о *ритуальном характере* ситуации:

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн [4, с. 47].

Здесь показательна параллель с лермонтовской «Таманью», где Печорин *бьется* в лодочке с девушкой-контрабандисткой в лунную ночь. Конечно, *катание в лодочке* героя весьма условно, оно похоже на *агон*, космическую борьбу. Сходную ситуацию наблюдаем и в художественном мире Ф. М. Достоевского, в романе «Бесы» – Верховенский предлагает Ставрогину с Лизой покататься в лодочке с *кленовыми веселками*: «Мы, знаете, *сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые*, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна… или как там у них, черт, поется в этой песне…» [7, с. 404]. Такая «нелепица» таит в себе ритуальный подтекст, связанный с обрядовым погребальным комплексом корабля/лодки и мотивом *смерти – космического вознесения*. Бальмонт направляет свой челн и лирического героя с ним в море, в «томленье вод», но именно через бурю, столкновение в ней с самим собою обретается неведомое, «снов чертог». Показательно в этом отношении и выбранное время – ночь:

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет [4, с. 47].

По мифологическим, фольклорным представлениям, ночь – пограничье, когда открывается *иерофаническая* действительность. Человек пребывает *на пороге*, уходит в *оный час* – тем более поэтом дана динамика от вечера, его угасания, умирания к ночи.

Итак, «иное царство», по мысли Трубецкого, «познается *в самом стремлении к нему*, в самом факте подъема над жизнью, ибо этот подъем невозможен без некоторого внутреннего озарения» [11, с. 23]. И, думается, образ загадочного, амбивалентного по своей природе *черного челна* у Бальмонта потенциально связан с топосом

«того света». Этот инициатический путь лирический герой преодолевает через «катание в лодочке», которое предназначалось и былинным героям, и Печорину, и Ставрогину. Кроме того, нельзя отрицать и возможных фольклорных основ образа, потому что поэт испытал значительное влияние трудов и сказок Афанасьева (так же как и Есенин, Цветаева), где тонко и точно переданы архаические мифологические представления о мире, небесном своде, среди которых важное место занимает архетип корабля/ладьи.

Список источников

1. **Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.** Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991. 336 с.
2. **Бальмонт К. Д.** Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. 591 с.
3. **Бальмонт К. Д.** Стозвучные песни. Сочинения (избранные стихи и проза). Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 262 с.
4. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. Т. 1. 504 с.
5. **Бонгард-Левин Г. М.** «Свет мой, Индия, святыня». Индийская тематика в творчестве Константина Бальмонта (1867-1942). URL: https://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2751 (дата обращения: 19.04.2017).
6. **Горелов А. А.** Заметки о фольклоризме М. И. Цветаевой (статья 1) // Русский фольклор: сб. ст. / под ред. М. В. Рейли. СПб.: Наука, 2011. Т. XXXIV. С. 282-295.
7. **Достоевский Ф. М.** Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 7. С. 7-516.
8. **Кнабе Г. С.** Понятие энтелехии и история культуры // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 64-74.
9. **Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.** Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Иваново, 2001. 472 с.
10. **Петрова Т. С.** Мифологема пути в лирике К. Д. Бальмонта 1890-х гг. – 1905 г. [Электронный ресурс]. URL: http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/243-ts-petrova-g-shuja-mifologema-puti-v-lirike-k-d-balmonta-1890-h-gg—1905-g.html (дата обращения: 30.09.2016).
11. **Трубецкой Е. Н.** Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва, 1922. С. 17-24.
12. **Dudareva M. A., Tetik K.** The National Image of the World in Poetics of K. D. Balmont and S. A. Yesenin: The Urban Space and Indian Cosmos // Man in India. 2017. Vol. 97. № 3. P. 587-596.

THE PERFECT TOPOS AND ITS SYMBOLS IN K. D. BALMONT'S POETRY (ON ONE POEM)

Dudareva Marianna Andreevna, Ph. D. in Philology
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
marianna.galieva@yandex.ru

Tetik Kevser
Lomonosov Moscow State University
kevser.tetik@mail.ru

This article is a research of the folklore and mythological foundations of the shallop image, which is associated with the notions of an ideal place, topos. The object of the study is the early poem by K. Balmont *«Челн томленья»* ("Shallop of Languor"), where the poet is playing the image of the shallop and the mythologem of the way. The representations about a wonderful ship, boat, shallop make the researchers refer to the traditions of Russian and world folklore, with which K. D. Balmont was well acquainted. The poet studied folklore, he was interested in the works of A. N. Afanasyev; the archetype of the ship / shallop held a special place among the poet's folklore images. The folklorism of Balmont's creative work is of a latent character.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; ideal topos; Balmont; shallop; ship.

УДК 8; 821.161.1

В статье автор анализирует произведения А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина, посвященные военным событиям в России конца XX века. Герои А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина изображены сильными, жесткими, порою хладнокровными, но нередко они одолеваемы страхом, способны на сочувствие и сострадание и готовы прийти на помощь близкому человеку в любой ситуации. Герой В. Маканина, в отличие от остальных, на определенный момент оказывается в «плену» красоты внешности врага.

Ключевые слова и фразы: чеченская война; А. Проханов; В. Маканин; А. Бабченко; С. Тютюнник.

Евдокимова Марина Петровна, к. филол. н.
Армавирский государственный педагогический университет
evdokimova.m.p@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА

Роман А. Проханова «Чеченский блюз» опубликован в 1998 году в журнале «Наш современник» [8]. Это книга о тех, кто отправлял новобранцев на верную гибель, кто делал свои грязные деньги на людских